

В. АЛЕКСЕЕВ

Час в гостях у Григория Ефимовича Распутина¹

Его квартира обставлена весьма скромно. Простая мебель, обитая недорогой материей, стол, диван. Вот убранство столовой, в которой я дожидался выхода «старца».

— Обожди, родной, пока я с делом справлюсь, — сказал он мне, отвечая на приветствие, и начал разговаривать по телефону, который висел тут же в столовой. Он говорил теноровым голосом:

— Ну, так вот, мотри псаломщика Комарова надо из Самарова перевести в Курган, а диакона Бушуева — поближе к Покровскому. Хоть он непутевый оказался, да бабу его уж очень жалко. Почитай, год, как они порознь живут. Денег у ней, чтобы проехать к нему, нету. Вот она и скудается одна. Вели владыке-то тобольскому епископу Варнаве, чтобы он внушение сделал Бушуеву-то, чтобы семью-то блюл, а то ведь, гляди, развалится семья-то. Ну, больше ничего. Заезжай ко мне в Покровское чай пить и передавай всем поклон.

— Вот ты об этом можешь писать, если угодно, — говорил мне потом Распутин. — Так и пиши — псаломщика и диакона хлопочет на другое место перевести, вдове священника квартиру выхлопачивает.

— А кому это вы насчет диакона-то говорили?

— А это епархиальный наблюдатель церковно-приходских школ*. Сели за стол.

Секретарша Распутина Акулина Никитична заметила при этом:

— Вот, говорили, у отца Григория изысканные кушанья подаются. Вы сами видите, что это неправда. Сиг и икра — это для гостей, а сам он черный хлеб кушает! Только газеты всячески врут про него, что

¹ Печатается по: Петербургский курьер. 1914. 5 февраля. № 26. С. 3.

* Епархиальным наблюдателем церковных школ Тобольской епархии был И. П. Роганович. — *Сост.*

он живет на широкую ногу. На днях напечатали, что он священником собирается стать.

— А я и не думал, — подхватил Распутин. — К чему мне это? Жену свою люблю и разводиться с ней не собираюсь. Мало ли, что про меня пишут.

Акулина Никитична доложила Распутину, что получено письмо от священника-расстриги Сычева.

— Ну-ка, читай!

Акулина Никитична сообщила сначала ответ одной из канцелярий о том, что прошение Сычева оставлено без последствий. В письме он просит помочь ему.

— Это, значит, уже повсюду отказано, — сердито заявил Распутин. — Так чего же он хочет? Поди и сейчас же брось в печь. Расстригутся, а потом снова в попы просятся...

Секретарша напомнила Распутину, что к «4-м часам генерал обещал приехать».

Мы расстались.

Уходя от Распутина, я невольно обратил внимание на список телефонных абонентов. Здесь я увидел фамилии обер-прокурора Синода Саблера, его товарища Даманского, сына экзарха Грузии Молчанова, Головиных и многих других фамилий высокопоставленных лиц.

Очарованный простотой его обращения и радушием приема, я думал: не в той ли простоте и одинаковости его обращения со всеми, будь то министр, или сосед по деревне, не в той ли правде-матке, которую он так прямо режет, тайна его успеха?!

